

Марк Евсеев

**Полеты Средствами
Водоплавающих**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Евсеев М.

Полеты Средствами Водоплавающих / М. Евсеев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В антиромане «Полеты Средствами Водоплавающих» организованным событийным хороводом и несколько оригинальной композицией переплелись пара хорошо знакомых читателю планет нашей звездной системы. В купе с Меркурием, Сатурном, грозным, нелогичным, но приветливым Никандром, очаровательным Лару и другими героями перед вами оживут островки воспоминаний, кусочки неоднородного, частично растерянного пазла вероятного будущего и непроглядного прошлого. Однако лишь сверкающее настоящее отрепетированным ансамблем заманит в объятия последнего гостя Земли.

© Евсеев М., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Annotation

В антиромане «Полеты Средствами Водоплавающих» организованным событийным хороводом и несколько оригинальной композицией переплелись пара хорошо знакомых читателю планет нашей звездной системы. В купе с Меркурием, Сатурном, грозным, нелогичным, но приветливым Никандром, очаровательным Лару и другими героями перед вами ожижут островки воспоминаний, кусочки неоднородного, частично растерянного пазла вероятного будущего и непроглядного прошлого. Однако лишь сверкающее настоящее отрепетированным ансамблем заманит в объятия последнего гостя Земли.

Полеты Средствами Водоплавающих

Полеты Средствами Водоплавающих

Глава I

Каждый отдельно взятый рисунок твоих волшебных волос уже движет моим воображением, унося в синеющую глубь нашего знакомства. Шаг за шагом следуя одной тебе известным тайнам, я нисколько не жалею и не печалюсь об окончании. Наш взор летит вдаль и путь стремится вперед, ну а в то время крошечная тучка, начиная с самого утра, целовала небо своим присутствием, ещё более омрачая саму по себе до отвращения глупую карикатуру складывавшегося оттуда мира. Будто сказочный художник открыл панель персонализации и поставил абсолютное заполнение всей области «обозримой вселенной» непонятными обоями из подраздела «Ночные города в старых графических романах».

Посмотри кто с высоты полёта птицы, внимание его несомненно привлекла бы яркая точка, почему-то ужасно назойливая и не выпадающая из виду, хотя и вполне вписывающаяся в общую изначальную картинку. Так или иначе всё это могла лицезреть только одинокая чайка. Точка странным образом влияла на поведение птицы. Скоро та уже неслась не свойственно самой себе вниз к сладостно мерцавшему шарiku.

Постепенно изображение проступало всё чётче, теперь уже представлялось возможным различить длинные волосы ярко-серого цвета, переходящие постепенно в бороду и усы, гармонично переплетающиеся между собой. И ухоженные, и дикие одновременно.

– Что, не уж-то сошла вода? – пошутил с серьёзным лицом человек, когда чайка благополучно принялась обустривать новое гнездо на его, изобилующей волосами, голове.

– Подойди. Твоё место совсем не здесь, но я укажу путь и даже возьмусь проводить, конечно, если ты не передумал, – он протянул правую руку вперёд, птичка повиновалась и спустилась с головы по плечу и ниже, усевшись в конце концов в ладони человека.

Чайка с удивлением замечала, что не испытывает заложенного страха, а наоборот поведение этого существа внушает ей беспрецедентное и абсолютное доверие ко всем действиям. Не осознавая, она и так сразу полностью согласилась на такую компанию, отдавшись в ладони, тем самым показав свой положительный ответ на его просьбу-вопрос. Губы человека оставались в прежней позиции, никаких эмоций, его лицо и в целом внешний вид никак не отражали ведущегося между ним и птицей разговора. Однако интуитивно было понятно, человек рад её присутствию. Для этого не было причины, радость возникала из точки, местоположение которой определить никак не удавалось, и распространялась во все стороны, не замечая барьеров. В итоге такая волна и была для чайки знаком согласия.

So I'm no better than the animals sitting

In their cages in the zoo man

'Cos compared to the flowers and birds, and the threes

I'm an apeman

Еле различимо доносилось из-под усов. Казалось, это сами волосы переплетаясь создают шумом шуршания какое-то подобие слов. Птичка покорно сидела на мягкой и теплой руке человека, согнутой в локте, точнее в продолжении – в ладони находящейся на уровне сердца, удары которого, слегка ощутимые внешне, а также шебуршание усов постепенно её убаюкивали.

Огромные деревья стеной окружали тропинку, соединяясь сверху и образуя естественный тоннель очень знакомой древней красоты. Тропинка, упорным трудом преодолевая время, день за днём прорастала на месте асфальта и выходила далеко за его пределы, где страшный, мертвый, но опасный враг уже не мог противопоставить свое отжившее срок тело её грамотной программе. Цикл за циклом, уходя вглубь недостижимого, но желанного п. Давным-давно здесь даже снимали фильм, ту его часть, где герои дружно колесят по новой красивой, только заасфальтированной дороге. Она вела в старую деревню, куда совсем перестали ездить, и лишь изредка энтузиасты ходили пешком ради того, чтобы почувствовать пресловутый дух предков. Асфальт совсем зарос укрепляющейся в правах на последних свободных уголках мира природой. Она яростно пыталась отбить хоть что-то из миллиардами лет ей принадлежавшего, делая вид, будто возмущается сопротивлению, но, разумеется, всё прекрасно понимая, как понимает в шалостях ребёнка мать. Природе была известна цель и конец, и жизнь её строилась по антропному принципу в отличие от всего остального, например, её далеких предков.

Человек шёл еле касаясь земли, внимательно разглядывая окружавший его лес. Птичка продолжала спокойно спать и лишь изредка произвольно ворочалась, поправляя крылышки.

Точка привлекла не только чайку, и вскоре по лесному коридору за человеком следовал незаметный хвост. По крайней мере в своей незаметности сам хвост был абсолютно убежден, и потому продолжал преследование.

Их путешествие продолжалось не меньше четырёх суток. Птичка улетала, но всегда возвращалась ко сну. Иногда её клюв украшали грозди рябины, клюквы, бывало – шиповника, все для попутчика. Птица не понимала нового друга – существо не потребляло пищи, не тратило большую часть времени на поиски ночлега.

Наконец, человек сказал, что осталось совсем немного, путь их близок к завершению. Радостная новость подвигла птицу на последнюю тщательную охоту, итогом оказались пара небольших кустиков зрелой черники.

Постепенно сквозь лес проступили самодельные домики. Птица заметила: они чередуются, частью плотно прилегая к земле, частью имея опору в виде огромных густых веток старинных деревьев.

На протяжении всей их непродолжительной прогулки по улицам этого городка с деревьев спрыгивали существа подобные попутчику чайки. Проходя мимо него, молча проводили руками по спине. Они не выражали эмоций и не издавали никаких звуков. У них выходило лишь до смерти пугать птичку, порой даже порывавшуюся выскочить из ладоней человека. Но что-то в нем удерживало. Каждый последний момент она останавливалась и просто непринужденно поправляла крылья.

В кругу сидело восемнадцать человек, каждый с питомцем в ладонях. Здесь были и молодые медвежата, и белочки, лисицы с продолговатыми рыжими хвостиками, а также другие разного рода птицы. Мертвая тишина окружала собрание со всех сторон. Наконец, человек с длинными распущенными черными волосами тихо сказал:

– Каждый в своём темпе.

Точка совершенно странным образом влияла на поведение птицы. И вот та уже неслась не свойственно самой себе вниз. Изображение постепенно становилось все четче, уже можно было различить длинные волосы ярко коричневого цвета, переходящие постепенно в бороду и усы, гармонично переплетающиеся между собой. И ухоженные, и дикие одновременно.

– Теперь ты понял, о чем я? – подумала птичка, спустившись с головы по плечу вниз, и наконец в ладони человека,

– Да, – тихо ответил человек, – Кажется, вник.

– Пора возвращаться, – пронеслось в голове у чайки. На этот раз их путь лежал в другом направлении. Существо номер два сидело совсем спокойно и с виду вовсе не волновалось. На самом же деле ему было необходимо время, чтобы привыкнуть к новому образу, некоторые рефлексy он подавлял, но порой так и тянуло повозиться где-нибудь клювом.

Коридор, по которому двигались человек и птица, был ортодоксально бункерного типа. Оттого казалось, что в любой момент где-нибудь неподалёку взлетит ракета и зычно ударит сирена.

– Опять «Журавлей» тянут? Да, особенно странная штука с полным групповым забвением произошла, как это, не смущаясь, называют, при чем даже с такими как ты. Но почему же был создан культ? – спросил шепотом человек.

– Здесь все – ритуал. А на счет «опять» – дисциплина вырабатывается только ежедневным повторением определённого действия, – тихо прошуршала птица.

Быть чайкой значило быть высоким постом. И в данный момент ее разум был в крепких опытных рамках. Существо, её создававшее, понимало своё положение, причём во вполне уместной для своего развития форме.

Человек чувствовал приближение дома, каждый следующий метр пропорционально скорости передвижения передавал все быстрее и быстрее усталость в ноги и голову. Птица даже пару раз клюнула в руку, что было ей абсолютно не свойственно, зато позволило человеку не свалиться всем грузом на каменный пол.

Огромное полотно прямоугольной формы заполняло помещение таким образом, что от каждой из стен оставалось лишь около полуметра прохода. Куполообразной формы свод, потрескавшийся, разукрашенный ясно интерпретируемыми с первого взгляда изображениями, оказывал атмосферное влечение на мысли смотрящего. Некоторым, находящимся внутри, хотелось плакать, ибо все вокруг имело мягкую, добрую фундаментальность. То, с чего все началось. Подсознательно настенные каракули вызывали сыновние чувства, окружая мыслью о крошечном промежутке рождения.

Помещение представляло собой средней величины пещеру, свет в которую попадал сквозь раскрытые входные двери. Человек не входил, не переступал порога комнаты. Он стоял явно в восхищённом смирении. Стоял со своей глупостью по сравнению с чем-то, что ему казалось он видел за сгущающейся темнотой, или хотел видеть. Птица резко вспорхнула с ладони и полетела вглубь, куда-то под потолок. В то же мгновение послышалось ставшее сперва пыхтящим, но затем выровнявшееся дыхание существа явно больших размеров. Наконец, через пару секунд из темноты вышло обросшее с головы до ног человекоподобное тело.

– Вы как всегда, одеты с очень хорошим вкусом, – одобрительно качнул головой первый человек. Второй молча расправил плечи, волосы с лица завязал в огромный хвост за спиной. Через незаметные ранее дыры в ушах провёл кончики бороды, по половинке с каждой стороны. И в конце концов вышел из пещеры совсем, прикрыв за собой тут же защёлкнувшуюся дверь.

– Мозгов как у корыта, – коротко, не строго, терпеливо проговорил человек номер два. Вес его словам придавали длинная борода и странный узор усов, окружавших челюсть подобно шлему древнего викинга. Все это совсем не сочеталось с предыдущим образом глупой чайки.

Первый с понимающим видом кивнул и больше не проронил ни слова. В человеческом обликии это казалось невыносимым испытанием, всё толкало его на громоздкие выражения и тянущие ко дну великолепные оксюмороны, роившиеся в гиперпространстве его сознания чредой совершенно изумительных шуток.

Со стороны второго подобные высказывания считались тирадами больших форматов. Потому и бородач потом большую половину жизни человеком молчал в стыде, внутренне покрывая себя позором непрофессионализма.

Люди направились дальше по коридору, текущему вперёд и вглубь. Ступеней не было, спуск ложился плавно и красиво, постепенно опуская метр за метром все ниже и ниже. Наконец человек с обильным волосатым покровом остановился, закрыл глаза и долго неподвижно стоял, приводя дух в спокойное состояние и уравнивая все внутренние переживания и помыслы, которые достались ему от нового тела.

Все это было естественной операцией, проводимой из раза в раз в любом облиии. Владевший ранее телом числился анахоретом, был близок к полному достижению самоконтроля, остановки внутренних препираний посредством простой молитвы, повторявшейся его губами на протяжении тридцати семи лет подряд. Память о цифре хорошо застряла в мастерски потаённом месте. Именно с ней пытался справиться второй человек. Исход, конечно, в случае с ним всегда был предопределён: в какой-то момент мысль сдавалась и покидала чертоги.

Глава II

Лифт поднимал их из глубины катакомб куда-то наверх, все выше и выше. Голос в кабине проговорил: «We are arriving at the station Lagrange st. Don't forget your luggage or belongings. Мы прибываем на станцию Лагранж стрит. Не забывайте свой багаж в салоне капсулы». Первый человек поёрзал на месте, порываясь отколоть отличную шутку по поводу сказанного. Однако выдержал, хоть и не легко это далось в самом начале своего серьезного испытания, особенно из-за процесса детства в период бесконечного копирования бесконечных шуток. Отец оберегал его, но не отнимал свободы мыслей. Учил осторожности. Параллельно, практикуясь в пользовании телами других существ, человек номер один рос в тайне, скрытый ошибками о рождении и смерти, намеренно нанесенных его отцом.

Лифт остановился. Открытие лунных поселений привело к огромной ре-популярности науки и инженерии, что в свою очередь открыло двери интенсивному развитию колонии и образованию нескольких ответвлений в течение последних пяти десятилетий. На протяжении уже трех десятков лет давно увядший в своей популярности веб сайт вел прямую трансляцию с камер установленных на так называемых «улицах» лунного поселения-лаборатории.

Одним из первых здесь оказался второй человек. Ему была отдана стандартного типа лунная иглу, напечатанная принтерами с Земли менее чем за пару дней до прибытия. Внутри было пусто, только шлем виртуальной реальности висел в углу на крошечном коричневом крючке. Шлемом он назывался лишь по историческим привычкам, сам же выглядел как небольшие плотные очки для защиты глаз от воды при занятиях дайвингом. Чуть ниже висели такие же для гостей. Это был стандартный набор стандартного лунного домика.

Номер два не обратил никакого внимания на удобства, просто сел в углу на также отпечатанную принтером по совмещённому дизайну, неотделимую от самого помещения, скамью.

Стоило привести в чувства лежавший в гамаке огромный черный комок шерсти.

Сперва оно не шевелилось, но спустя всего четыре секунды после второй просьбы пробудиться, внутри зарослей появилось стремительное движение. В разных точках чёрной, сперва однородной, массы происходили глобальные перемены. Сперва поредела верхняя часть чудища, очевидно там, где находилась голова. Затем всё дальше и дальше вниз постепенно опадали волосы. Секунд сорок спустя перед вошедшими в иглу в гамаке лежал обросший подобно второму человеку мужчина непонятного из-за обильной растительности на лице возраста.

— Каждый в своем темпе, — усмехнулся шёпотом человек и с мёртвым видом повалился на гамак.

Пришедшие быстро прибрали комнату от клочков волос, обмотали тело мужчины тряпками, отнесли в угол иглу, облили средством для розжига, красовавшимся до этого с характерной табличкой на полке с медикаментами.

- Важный? – также еле слышным голосом спросил первый человек.
- Судишь по волосатости? Вряд ли она играет роль. Никто не важен в том понимании, которым пользуешься ты.
- Невозможно быть во всем неправым? Иначе с чего начинать?
- Тишина должна наполнить разум, только тогда начнёшь.
- Если тишина заполняет разум, то это всё равно, что до начала вселенной: отсутствие мыслительного процесса не приводит к зарождению идеи.
- Существование вопроса уже опровергает твои слова.
- Невозможно знать, что предшествовало рождению частиц. Но законы частиц знать вполне по силам. Звук не родится в тишине в отсутствие внешних воздействий. В нашем мире вполне понятные законы.
- Сознание – не физический мир макро или микрообъектов. Внутри виртуальности возможно выпадение случайных величин, если такова программа.
- Так он программист или математик?
- Бесплезная мысль. Наша история не взаимосвязана с тем, что было до её возникновения. Потому и финишем всех суждений является лишь молчание. Молчание физическое и молчание умственное – вот сингулярности разума. От чего всё началось и к чему всё придёт.
- Все подобные выдумки я знаю и сам. Зачем в таком случае ты отвечаешь на мои вопросы?
- Доступно тебе пока только такое общение. И если для тебя молчать – способ тренировки и непомерная мука, то для меня разговор – тренировка и мука, потому как в молчании стал за собой замечать немую самовлюбленность.

Тело уже почти догорело, дождик из установки пожарной безопасности приятным теплым душем капал на головы двух молчавших, глядящих себе под ноги людей. Эмоции их ничуть не выдавали. Ритуал глупых разговоров над сжигаемым телом был завершён. Повторение этого диалога из раза в раз считалось пошлой шуткой позапрошлого десятилетия, но что-то новое – всегда хорошо забытое старое. Потому и бесшумный смех, наполнявший комнату, был вполне уместен в ситуации до того глупой и безнадежно смешной.

Подземные катакомбы находились неглубоко, всего в трех-четырёх метрах вглубь от поверхности. Человек номер два спустился в подвал иглу, чтобы оттуда уже направиться дальше вниз по лестнице в красный подземный ход, или ветку номер восемь, как подписывалось на табличках, встречавшихся через каждые десять шагов. Встреча с Никандром предполагалась на Azimov st по второй линии.

Передвигаться приходилось пешком из-за недостроенных на восьмой рельс. Со дня на день строительство должно было завершиться, о чём наглядно свидетельствовали редкие роботы колонии, проплывавшие мимо путников.

Улица Айзека Азимова была полна отсылками к произведениям. От небольшой статуи техника Харлана до огромной по размерам катакомб застеклённой инсталляции планеты Первого Основания с движущимися внутри человечками, своим подобием микроклимата. Казалось, но доносились еле слышные голоса. Рядом на огромном постаменте лежала подарочная Энциклопедия Основания. Внутри будки, напоминавшей миниатюрный космический корабль, изображённый в представлении фантастов тех лет, любой прохожий мог примерить пару костюмов героев серии.

Дверь отворил мужчина с ещё более распушенной бородой, чем все предыдущие, встречавшиеся на пути номера один.

– Никандр, – Сухо представил второй человек первому хозяина помещения.

Первый с серьёзным видом поклонился и ещё больше нахмурил брови. Никандр же простодушно, лицом не обделённого интеллектом человека смотрел в глаза второму страннику.

– Здравствуй, Лару. Твой ученик?

– Так, встретились неподалеку, – казалось, слова заменяют улыбку на лице.

– Твоё имя часто уносило мои мысли в джунгли к огромным питонам, скользящим по старым деревьям. Ты мудр, но страшных методов не боишься.

– Не выдержи он, не стоило бы и пытаться. Разум остался бы в прекрасном неведении, я отпустил бы его улететь вдаль в поисках веточки. Почему-то каждый раз с пути их сбивает именно она, необходимо исправить эту неточность... Однако сигнал, сейчас ты улыбнешься, я знаю, твоя область бесконечной любви – Меркурий – на удивление заметил и даже спустился вниз, причём гнездо свил прямо на голове, – Никандр и Лару переглянулись со всё ещё нахмуренными бровями Меркурия.

– «В своем темпе», но я попрошу зайти, – была ли улыбка никто понять не мог из-за обильной растительности везде, где только можно, – Катакомбы портят настолько потерянных для греха как ты, Лару.

Молчание наполняло иглу Никандра от подвала и до куполообразного потолка, напоминавшего старые церковные своды из энциклопедии мировых цивилизаций. Меркурий, или как его часто звали дома – Меркьюри, не мог воспринимать окружающую реальность до конца спокойным взором. Воображение чертило карандашные картинки дней, недель, лет проведённых в подвижничестве новым знакомым. Казалось, он хорошо понимает старца, он влюблён своей молодой душой в подобного рода мудрецов. Меркурий наполнил всего себя переживаниями и чуть было не поддался эмоциям, чуть было не улыбнулся, сдержавшись в самый последний момент. Он прекрасно понимал, положить начало такому позору хочется далеко не каждому идиоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.